

На  
ТВОИХ  
белых  
крыльях

суйко Ямамото

# суйко Ямамото

## На твоих белых крыльях

<https://litres.ru/73940844>

SelfPub; 2026

### Аннотация

«На твоих белых крыльях» — мистическая драма о любви, преодолевающей пространство и время, но ведущей героев к трансформации, выходящей за пределы человеческого бытия.

#### Сюжет

История начинается со случайного звонка: Марина из заснеженной Воркуты набирает случайный номер и попадает на Сашу из Москвы. Между двумя городами, двумя мирами протягивается тонкая нить связи — и постепенно общение героев перерастает в нечто большее, чем просто разговоры по телефону.

Воркута с её полярной ночью, бесконечными снежными просторами и тяжёлой историей становится для Марины не просто местом жительства, а состоянием души. Москва для Саши — многоуровневый лабиринт, в котором он чувствует себя чужим. Разговоры с Мариной дают ему ощущение подлинного присутствия, а для Марины голос Саши — луч света в монохромном мире.

# Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| Глава 1                           | 4  |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 27 |

# суйко Ямамото

## На твоих белых крыльях

### Глава1

На твоих белых крыльях

Часть I: Меридианы разлуки

Глава 1: Снегопад и случайный звонок

Декабрь в Воркуте пах иначе, чем везде. Не хвоей и мандаринами, а снегом, металлом и каким-то особенным, пронзительным холодом, который проникал под кожу и оседал прямо в костях. Марина сидела у окна своей небольшой квартиры на пятом этаже, наблюдая, как снег хлопьями падает на пустые дворы, превращая привычный серый пейзаж в монохромный мир. За окном царила полярная ночь, и даже редкие фонари казались уставшими. Ей было двадцать три, и порой ей казалось, что её жизнь — это такая же бескрайняя, бесконечная снежная равнина.

На кухне булькал чайник, обещая горячий чай с облепихой — единственное, что могло хоть немного согреть её из-

нутри. Марина потянулась к телефону, который лежал на тумбочке, рядом со стопкой книг и фотографией покойной бабушки. Ей хотелось позвонить кому-нибудь. Кому угодно. Просто услышать живой голос, который не принадлежал бы этому холодному, сонному городу.

Она набрала случайный номер. Просто так. Пальцы сами выбрали комбинацию цифр, не подчиняясь никакому логическому импульсу. Гудки. Длинные, монотонные. И вдруг — щелчок. И голос. Мужской. Уставший, но с какой-то приятной хрипотцой.

— Алло? — произнёс голос.

Марина замерла. Она не ожидала, что кто-то ответит.

— Алло? — повторил голос, теперь с ноткой нетерпения.  
— Кто это?

Марина почувствовала, как по её щекам разливается краска. Глупость какая! Положить трубку. Немедленно.

Но что-то в этом голосе, в этой случайности, удержало её. Что-то, что было похоже на внезапно появившийся огонёк в тёмной комнате.

— Простите... — прошептала она. — Я... я ошиблась номером.

На том конце провода повисла пауза. Марина представила себе этого человека: возможно, он сидит в тёплой комнате, пьёт горячий кофе, а тут вдруг она, из холодной, заснеженной Воркуты, вторгается в его мир.

— Ошиблись? — голос звучал уже мягче. — Ну что ж, бывает. Меня зовут Саша. А вас?

Имя «Саша». Оно прозвучало так просто, так обыденно, но для Марины в этот момент оно было как маяк в бушующем море.

— Марина, — выдохнула она.

— Марина, — повторил он. — Вы звоните откуда-то очень издалека, по-моему. Плохая связь.

— Я из Воркуты, — честно ответила она.

И опять пауза. На этот раз — изумлённая.

— Из Воркуты? — переспросил Саша, и в его голосе проскользнула едва уловимая улыбка. — Это... далеко. Я в

Москве.

Москва. Воркута. Два конца одной страны, две полярные противоположности. Северный холод и столичный шум. И между ними – тонкая нить случайного звонка. Марина почувствовала, как внутри неё что-то оттаивает. Это было похоже на то, как горячий чай согревает после долгой прогулки на морозе.

— Извините ещё раз, — сказала она. — Я, пожалуй, положу трубку.

— Не стоит, — быстро ответил Саша. — Я только что вернулся с работы, и мне... тоже не с кем поговорить. У вас там, наверное, холодно?

— Очень, — улыбнулась Марина. И на мгновение ей показалось, что сквозь тысячи километров она чувствует тепло его голоса, словно на её окно опустилось одно из его белых крыльев. Это было странно, немного абсурдно, но удивительно утешительно. Воркутинская тоска на мгновение отступила.

Глава 2: Чай в полночь

Саша не мог заснуть. Звонок Марины из Воркуты засел

в его голове, как застрявший трек на старой пластинке. Он встал, налил себе виски со льдом и подошёл к окну своей квартиры на Арбате. Ночной город мерцал огнями, не спит, словно огромный, вечно бодрствующий зверь. Джаз тихо играл на проигрывателе — Чет Бейкер, его труба плакала о невысказанном.

Ему было двадцать шесть. Его жизнь казалась хорошо налаженной: престижная работа в IT-компании, стильная квартира, стабильность. Но внутри него жила глубокая, почти физическая пустота, которая проявлялась в странных, повторяющихся снах и внезапных приступах тоски. Он часто чувствовал себя героем одного из романов Харуки Мураками, брошенным в лабиринте собственной жизни, где выход всегда находится где-то за углом, но ты никогда не можешь его найти.

Этот звонок. Случайный. Из Воркуты. Как странный сюжетный поворот, который мог бы изменить всё, а мог бы и не изменить ничего. Он представил Марину: там, где вечная зима, полярная ночь, снег до самых крыш. Что она там делает? Отчего ей одиноко? Отчего она набрала случайный номер?

Внезапно его взгляд упал на старую, потрёпанную книгу, лежащую на прикроватной тумбочке — «Дэнс, дэнс, дэнс» Мураками. Он открыл её наугад. «Странные вещи случают-

ся, когда ты ожидаешь их меньше всего. И очень странные вещи происходят, когда ты совсем их не ждёшь».

Саша отпил виски. Ему показалось, что голос Марины звучал в его голове, как тихий шелест снега. Он взял свой телефон. Он не должен был этого делать. Это было глупо, нелогично, совсем не в его стиле. Но что-то тянуло его. Что-то, похожее на невидимый тоннель, который внезапно открылся между Москвой и Воркутой.

Он набрал её номер. Гудки. Длинные, неловкие. И он уже хотел сбросить, когда...

— Алло? — Её голос. Тихий, сонный.

— Марина? Это Саша. Прости, что так поздно. Я просто... не мог заснуть.

На другом конце провода послышался легкий вздох, а затем тихий смешок.

— Саша. Я тоже. Мне кажется, я вас ждала.

«Ждала». Это слово прозвучало так, будто она произнесла его не сейчас, а где-то в другом измерении, в другом времени. Саша почувствовал, как по спине пробегает холодок.

Это было не просто совпадение. Это было что-то большее. Что-то, что выходило за рамки обыденной реальности, словно дверь в другой мир слегка приоткрылась.

Они проговорили до самого утра. Обо всём и ни о чём. О книгах, которые они читали, о музыке, которую слушали, о своих городах, о снеге и о летнем дожде. И каждый из них чувствовал, что этот случайный звонок был началом чего-то необратимого. Началом тоннеля, который вёл в неизвестность.

### Глава 3:

Для Марины Воркута была не просто городом, а состоянием души. Белые, бесконечные просторы, где время словно замирало, а жизнь текла медленно и предсказуемо. Это было место, где мимолётная красота полярного сияния или нежного узора на замёрзшем окне ценилась особенно остро, потому что вокруг царила суровая, безжалостная природа. В её душе жило то же чувство утончённой печали, которое Кавабата так мастерски описывал в своих «снежных» романах.

Разговоры с Сашей стали её ежедневным ритуалом, её единственным окном в большой мир. Они говорили о стихах, о музыке, о том, как снег падает в Воркуте, и как дождь идёт в Москве. И каждый раз, когда она вешала трубку, на-

ступало ощущение острой, почти физической потери. Как будто часть её души оставалась там, за тысячи километров, вместе с его голосом.

Однажды Саша рассказал ей о весенних садах в Москве, о том, как цветут вишни и яблони. Марина слушала его, закрыв глаза, и представляла себе эти нежные, эфемерные цветы, которые так быстро увядают. В Воркуте не было вишнёвых садов. Здесь цвела лишь тундровая растительность, такая же стойкая и суровая, как местные жители. Но эта картинка, нарисованная Сашей, зажгла в её сердце крошечный огонёк надежды, похожий на одинокий цветок, пробившийся сквозь мёрзлую землю.

— У нас здесь только снег, Саша, — прошептала она в трубку, глядя на бесконечные белые просторы. — Он тоже красив по-своему. Он скрывает всё лишнее. Оставляет только чистоту.

— Но под ним что-то замерзает, — тихо ответил Саша. — И не всё может прорасти потом.

Марина часто гуляла по заснеженным улицам, чувствуя себя одиноким деревом на ветру. Ей нравилось это ощущение единения с природой, с её суровой красотой. Она замечала тонкие узоры, которые ветер рисовал на снегу, хрупкие

льдинки, свисающие с крыши, и причудливые тени, отбрасываемые деревьями на фоне полярной ночи. Всё это было частью её внутренней эстетики, её способа понимать мир.

Но теперь в эту эстетику вплелись новые ноты. Ноты его голоса. Образы его мира. И это создавало диссонанс. Она начала чувствовать, что ей чего-то не хватает. Чего-то, что было там, в Москве, вместе с ним. Она начала скучать по тому, чего никогда не видела, по тому, чего никогда не касалась. Эта тоска была похожа на тонкую, прозрачную нить, которая связывала их, но одновременно причиняла боль.

Однажды, когда она смотрела на заходящее солнце, окрашивающее небо в фиолетовые и розовые тона, ей показалось, что вдалеке, над горизонтом, промелькнули два огромных, белых крыла. Они пронеслись сквозь снежную бурю, словно пытаясь донести до неё что-то важное. Это было видение, столь же хрупкое и мимолётное, как бабочка-однодневка. Но Марина чувствовала, что это было послание. Его послание.

#### Глава 4: Городские лабиринты и голоса прошлого

Для Саши Москва была не просто городом, а огромным, многоуровневым лабиринтом, где каждый дом, каждая улица хранили в себе тысячи историй. Он бродил по её улицам, порой чувствуя себя абсолютно чужим среди этой су-

еты, словно герой романов Нацумэ Сосэки, наблюдающий за человеческим муравейником со стороны. Ему нравилось это ощущение отстранённости, оно защищало его от боли, от разочарований, от всех тех несбывшихся ожиданий, которыми так полна жизнь.

Его работа в IT-компании, хотя и приносила хороший доход, казалась бессмысленной. Миллионы строк кода, тысячи бесконечных встреч, постоянный шум офиса – всё это создавало ощущение, что он медленно, но верно растворяется в этом механическом мире. В его душе постоянно звучал тихий вопрос: «А ради чего всё это?»

Разговоры с Мариной стали для него своего рода убежищем. Её тихий голос из далекой Воркуты был глотком свежего воздуха в душной городской суете. Она слушала его, не перебивая, не осуждая, и Саша чувствовал, что может быть с ней самим собой, без притворства и масок. Он рассказывал ей о своих снах, о своей работе, о книгах, которые он читал. И каждый раз, когда он говорил с ней, ему казалось, что он отрывает от себя по кусочку своего одиночества.

Однажды он сидел в кафе на Патриарших прудах, пил остывший кофе и наблюдал за прохожими. Женщины в дорогих пальто спешили по своим делам, мужчины в безупречных костюмах обсуждали биржевые котировки. Все они бы-

ли частью этого большого механизма, но Саша чувствовал, что они не знают о том, что происходит на самом деле. О том, что где-то там, за тысячи километров, живёт девушка, которая видит белые крылья в снежной буре.

Он вспомнил фразу из книги Сосэки: «Человек одинок в толпе, но именно в толпе он может быть самым собой». Для Саши это означало, что именно в таких случайных, отстранённых связях, как с Мариной, он мог найти истинного себя. Не того Сашу, который строит карьеру, а того, кто верит в белые крылья и слушает тихий шепот далёких городов.

Но иногда его накрывало необъяснимое чувство тревоги. Ему казалось, что он слышит голоса из прошлого. Нечёткие, приглушенные, как звуки старой пластинки. Голоса людей, которых он никогда не знал, но которые, казалось, пытались ему что-то сказать. Эти голоса звучали в толпе, в шуме метро, в тишине его собственной квартиры. Он списывал это на усталость, на стресс, но глубоко внутри понимал, что это нечто большее. Нечто, что было связано с Мариной, с её Воркутой, с их странной, невозможной связью.

Ему казалось, что их связь — это хрупкое, но невероятно сильное нить, натянутая между двумя полюсами. Нить, по которой передавались не только слова, но и чувства, и предчувствия. И чем сильнее она натягивалась, тем больше он

чувствовал её вибрацию. Вибрацию чего-то, что было гораздо больше, чем просто любовь.

## Глава 5: Письмена на снегу и вкус снежинок

Марина, проснувшись утром, первым делом выглянула в окно. Ночь принесла новый снегопад, и теперь двор был устлан девственно белым покрывалом. «Что-то прекрасное, что-то хрупкое, что-то временное», — подумала она, составляя в уме свой собственный список, как Сэй-Сёнагон в «Записках у изголовья».

Марина вышла на улицу. Мороз был крепок, и снег хрустел под ногами, как сахар. Она шла по тропинке, чувствуя себя частью этого белого, бескрайнего мира. Вокруг не было никого. Только она, снег и небо, низкое и серое. Ей нравилось это ощущение чистоты, этой абсолютной тишины, нарушаемой лишь скрипом её собственных шагов.

Она подняла голову и поймала несколько снежинок ртом. Они были безвкусными, но их холодное прикосновение казалось ей чем-то очень важным, чем-то, что соединяло её с небом, с чем-то большим и необъяснимым.

Иногда, в своих одиноких прогулках, Марина ловила себя на мысли, что она пишет письма на снегу. Своими следами, своими шагами, своим дыханием. Письма, которые ни-

кто никогда не прочтёт. Кроме, возможно, ветра. Или того, кто отправляет ей эти белые крылья. Она рассказывала Саше о таких мелочах, о том, как красиво искрится снег на солнце, о том, как полярное сияние окрашивает небо в нереальные цвета. Он слушал её, и Марина чувствовала, как её слова становятся частью его мира, пересекая тысячи километров.

Но сегодня её настигло странное предчувствие. Она увидела на снегу цепочку следов, похожих на чьи-то лапы. Большие, глубокие, они вели прямо к краю дороги, а там... там они обрывались. словно кто-то огромный, невидимый, просто исчез в воздухе. Марина остановилась. Сердце забилося чаще. Это было не похоже на следы животных. Это было что-то другое. Что-то, что пробуждало в ней древний, инстинктивный страх. словно кто-то невидимый наблюдал за ней из-за белой завесы снегопада. словно в этом идеальном, монохромном мире, всё же таилась некая угроза. И она не знала, что это было. Или кто это был.

## Глава 6: Сплетение кармы и тени под кожей

В те дни Саша начал чувствовать, что его связь с Мариной — это не просто случайность, а «эн» — кармическая связь, тянущаяся из глубин времен. Как в «Повести о Гэндзи», где души влюбленных преследуют друг друга сквозь воплощения, его мысли о ней стали навязчивыми, почти болезненными.

ными. Он смотрел на Москву, и она казалась ему временной декорацией, в то время как истинная реальность находилась там, где Марина дышала в холодную трубку телефона.

— Ты веришь, что мы знали друг друга раньше? — спросил он её однажды ночью. — В другой жизни, где не было телефонов и самолетов, а были только письма, идущие месяцами, и клятвы, написанные на шелке?

Марина молчала долго. В этом молчании Саша слышал биение её сердца.

— Иногда мне снится, что я — птица, — ответила она наконец. — Белая птица, которая летит над темным лесом. Я лечу долго, мои крылья тяжелеют от инея, и я знаю, что если упаду — лес поглотит меня. Но я вижу свет в окне далекого замка. И я знаю, что в этом замке ты ждешь меня у камина.

Эта фатальность пугала Сашу. В классической японской литературе любовь часто сопровождается «икирё» — духом живого человека, который из-за силы своей страсти покидает тело и преследует объект любви. Саша начал замечать странные вещи в своей квартире. Запах холода в закрытой комнате. Отражение в зеркале, которое на долю секунды задерживалось, прежде чем повторить его движение. И самое страшное — белое перо, которое он нашел на своей подушке

утром. В Москве не было птиц с такими перьями в середине зимы.

Его любовь становилась тяжелой, как мокрая парча. Он начал понимать, что Марина не просто живет в Воркуте — она тонет в ней, и её тоска, преодолевая пространство, начинает просачиваться в его московскую жизнь, принося с собой тени, которых он не звал.

## Глава 7: Кухня в три часа ночи и призраки комфорта

Саша решил приготовить суп. Он вспомнил, как Марина говорила, что в Воркуте ей не хватает зелени. Он купил много петрушки, укропа и свежего имбиря. На кухне было тепло, свет лампы создавал уютный желтый круг. Это было его убежище. В мире Ёсимото кухня — самое безопасное место на свете, место, где раны затягиваются сами собой под стук ножа о доску.

Он позвонил Марине по видеосвязи. Её лицо на экране было бледным, почти прозрачным.

— Смотри, — сказал он, показывая ей кастрюлю. — Я варю лето. Для тебя.

Марина улыбнулась, и эта улыбка была такой хрупкой, что

Саше захотелось протянуть руку сквозь экран и коснуться её щеки.

— Здесь так темно, Саша, — прошептала она. — Но когда я смотрю на твою кухню, мне кажется, что я тоже там. Я чувствую запах имбиря. Это странно?

— Совсем нет, — ответил он.

Но когда он повесил трубку, радость улетучилась. В углу кухни, там, где свет не достигал пола, он увидел нечто. Это было похоже на сгусток серого тумана, который медленно принимал форму человеческой фигуры. Фигура была одета в тяжелую, старую фуфайку, какие носили заключенные в воркутинских лагерях десятилетия назад. Призрак не двигался, он просто стоял, и от него исходил такой холод, что вода в кастрюле мгновенно перестала кипеть.

Саша замер. Он понял: их связь открыла дверь не только для любви. Она пробила брешь в пространстве и времени. Воркута — город, построенный на костях, город с тяжелой памятью — начала посылать своих гонцов по их невидимому каналу. Марина была проводником, сама того не зная. Её «белые крылья» были сотканы из света, но они отбрасывали очень длинные и темные тени.

## Глава 8: Спуск в подземный мир Арбата

На следующий день Саша не пошел на работу. Он чувствовал, что должен найти ответы. Он спустился в метро, но не поехал по обычному маршруту. Он переходил со станции на станцию, пока не оказался на старой платформе, которой не было на карте. Там пахло мокрым бетоном и старыми газетами.

В кафе на платформе сидел человек в костюме овцы (или ему так показалось из-за игры света).

— Ты ищешь способ сократить расстояние? — спросил человек, не поднимая глаз от газеты.

— Я ищу способ спасти её, — ответил Саша.

— Любовь на расстоянии — это как попытка удержать воду в сите, — сказал человек. — Чтобы быть вместе, один из вас должен перестать существовать здесь и начать существовать там. Но болото Воркуты не отпускает своих. Оно как колодец без дна. Ты прыгнешь в него?

Саша вспомнил голос Марины. Её смех. И те странные следы на снегу, которые она видела.

— Она видит крылья, — сказал Саша.

— Это не крылья птицы, — ответил человек-овца. — Это ангелы шахт. Они приходят за теми, кто слишком долго смотрит в темноту. Если ты хочешь быть с ней, тебе придется встретиться с её ужасом.

Саша вышел из метро на поверхность и обнаружил, что находится на окраине Москвы, в месте, которое выглядело точь-в-точь как воркутинский пустырь. Снег под ногами был черным от угольной пыли. Он достал телефон, но экран был залит белым светом. Из динамика доносился звук — не голос Марины, а скрежет металла о камни, глубоко под землей.

## Глава 9: Снежная страна в сердце тундры

Марина стояла на краю шахты №9. Это было запретное место, окутанное легендами. Ветер здесь завывал так, будто в глубине земли плакали тысячи людей. Она чувствовала, что Саша где-то рядом, хотя разум говорил ей, что он в Москве.

Красота замерзшего мира была невыносимой. Кристаллы инея на колючей проволоке сверкали как бриллианты. Она вспомнила слова Кавабаты о том, что чистота часто соседствует со смертью.

— Саша, — позвала она в пустоту.

И из тумана вышел он. Но это был не тот Саша, которого она знала. Его кожа была бледной, как снег, а глаза — черными, как уголь.

— Я пришел за тобой, — сказал он. Его голос звучал как хруст льда. — Нам больше не нужны телефоны.

Она протянула к нему руку, но его пальцы прошли сквозь её ладонь, оставив ледяной ожог. Это был «двойник», проекция его страха и её желания. Воркута создала его из её тоски. Настоящий Саша в это время в Москве кричал от боли, чувствуя, как его сердце замерзает.

Над шахтой снова пролетели белые тени. Теперь Марина видела их отчетливо. Это были не птицы. Это были огромные, полупрозрачные существа с крыльями из замерзшего пара. Они кружили над ними, сужая круги. Ужас был не в их виде, а в том абсолютном безразличии, с которым они смотрели на людей.

Глава 10: Болезнь сердца и шум времени (Стиль: Нацумэ Сосэки – психологическая деградация, эгоизм, разрыв между мечтой и реальностью)

В Москве Саша слег с необъяснимой лихорадкой. Врачи разводили руками: его органы были в порядке, но температура тела опустилась до критической отметки. Он бредил Воркутой.

Его эгоистичное желание обладать Мариной, преодолеть законы пространства, привело к тому, что его душа начала буквально «вытекать» из него. Сосэки писал о том, как современный человек теряет себя в погоне за идеалом. Саша стал тенью самого себя.

— Марина, — шептал он в пустой комнате. — Ты — это я. Я — это ты. Между нами нет километров. Есть только одна большая холодная комната.

Он начал ненавидеть Москву. Эти огни, эти люди в метро — всё казалось ему фальшивым. Истинным был только снег. Он начал открывать окна в квартире настежь, позволяя декабрьскому холоду заполнить комнаты. Его друзья перестали звонить, напуганные его переменой. Он превращался в отшельника, в «сэнсэя» своего собственного горя.

В его дневнике появилась запись: «Любовь — это болезнь, которая лечится только присутствием. Но если присутствие невозможно, она становится ядом, который превращает кровь в лед. Я слышу, как в Воркуте падает снег. Каж-

дая снежинка — это гвоздь в крышку моего гроба».

Он понимал, что если они не встретятся в реальности, один из них исчезнет. Или оба превратятся в призраков, блуждающих по телефонным проводам. Но как поехать в Воркуту, если у него больше нет сил даже подняться с кровати? И как Марине уехать, если город вцепился в неё своими ледяными когтями?

## Глава 11: Реестр призрачных вещей и сияние инея

Воркута в январе напоминала Марине гигантское белое святилище, где боги давно умерли, но обряды продолжались сами собой. Она начала вести дневник, подражая древним японским дамам, пытаясь упорядочить хаос, в который превращалась её жизнь.

Марина шла по заброшенному микрорайону Рудник. Кавабата писал, что красота достигает своего пика в момент разрушения. Здесь, среди обледенелых скелетов хрущёвок, она видела это отчетливо. Снег здесь не был белым; он отливал перламутром, впитывая в себя свет умирающего дня. Каждая сосулька, свисающая с козырька подъезда, казалась ей кинжалом, выточенным изо льда специально для её сердца.

Она чувствовала, что её тело меняется. Кожа стала такой бледной, что сквозь неё были видны не только вены, но и движение лимфы, пульсация странного холода. Она больше не чувствовала мороза. В минус сорок она могла стоять без варежек, и её пальцы оставались гибкими, словно они сами состояли из замерзшего газа.

— Саша, — прошептала она, и её дыхание не превратилось в пар. Оно превратилось в крошечные ледяные кристаллы, которые со звоном упали на сугроб. — Посмотри на меня. Я становлюсь прозрачной.

В этот момент над ней снова пролетело «крыло». Оно было огромным, размером с самолет, но абсолютно бесшумным. Оно заслонило небо, и на мгновение Марина увидела в его полупрозрачной плоти вмерзшие лица — сотни лиц людей, которые когда-то работали в этих шахтах. Это была «красота потери» в самом страшном её проявлении. Ангелы Воркуты не были добрыми существами. Они были коллективной памятью о боли, обретшей форму из пара и радиации. И теперь одно из этих крыльев нежно коснулось её плеча.

## Глава 12: Колодцы Арбата и звук невидимого моря

В Москве Саша перестал выходить из дома. Его кварти-

ра на Арбате превратилась в некое подобие лаборатории по исследованию пустоты. Он слушал пластинку Билла Эванса «Waltz for Debby» снова и снова, пока музыка не стала казаться ему набором математических формул, описывающих одиночество.

Однажды ночью он обнаружил в своей стене странную дверь. Она находилась за книжным шкафом, там, где раньше был просто бетон. Он открыл её и оказался в длинном, узком коридоре, который пах солью и старым углем. Саша шел долго, пока не уперся в телефонную будку, стоявшую посреди абсолютной тьмы.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.